

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ЛЕБЕДИ ТЮТЧЕВА

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Проседают снега, и когда-то, не сразу, не вдруг,
Но однажды настанет такое желанное лето.
Не гляди на меня с укоризной, неласковый друг.
Я уйти не могу. Я останусь с тобой до рассвета.

Межсезонье... Апрель запоздал в этот сумрачный год.
К Благовещенью могут грачи не вернуться на гнёзда.
Ледоход начинается... Только какой ледоход?
В зимнем небе горят в полыньях отражённые звёзды.

И на сердце твоё не приходит шальная весна.
И не бродит в берёзах апрельская терпкая брага...
Мне бы только суметь умыкнуть из медвежьего сна
Ту, которой готова с печальным сонетом бумага.

Слышишь, талые воды напевную песнь завели?
Обнажились прогалы земли, и за светлыми днями
В старый Овстуг вернутся из дальних краёв журавли,
И растаявший пруд, словно луг, процветёт лебедями.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор тринадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих литературных премий. Главный редактор альманаха "День поэзии — XXI век". Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Что имеем — недолго в стихах с посвящением храним.
Потеряем — и память забудется в мучительном плаче...
А Россия стоит, словно Третий — незыблемый Рим.
В ней любовь не живёт, или просто зовётся иначе.

ЛЕБЕДИ ТЮТЧЕВА

(Размышления в Овстуге на 215-летие великого поэта)

Над Овстугом властвует Брянска зима.
Осталось в минувшем дождливое лето.
Как странно: здесь “Горе” живёт “от ума”,
Родившись в усадьбе другого поэта...

Хозяина нет. Он уехал давно,
И вряд ли до срока прибудет обратно.
Залито чернилом столешниц сукно,
На плеле в шкафу — от подсвечника пятна.

Россия хоть Третий, но всё-таки Рим.
В ней веет дыхание Божьего Духа...
Неужто сдадут Севастополь и Крым?
Неужто настанет разор и поруха?

Что толку в записке, которую царь
Не смог процедить оловянным прищуром?..
Над Овстугом тучи, сгущается хмарь...
И полнятся мысли тоской и сумбуром.

Тяжеле вериги — поэтов судьба
В России, покрытой морозною пылью...
Но гордо в щите родового герба
Распластаны лебеда белые крылья!

Их выводок плещет в заветном пруду
И ходит эскадренным строем по кругу...
Я к ним попрощаться с поклоном приду
И горького хлеба отрежу краюху.

А нежность...
Пусть нежность останется там —
В чугунном затворе усадьбы ограды.
В небрежно доверенной тайне — листам,
В которых поэту — не надо пощады!

ВОЗВРАЩЕНИЕ...

Полуночный шелест ледостава.
На деревьях — иней бахромой.
Ельник, как последняя застава
Между чернотропом и зимой.

Я ещё стою на чернотропе,
С белою щетиной в пол-лица.
Замерзая, всхлипывают топи,
Так и не поверив до конца

В смертный саван, тот, что без обмана
Расстилает первая метель...
Но “выходит месяц из тумана”,
Словно детства солнечный апрель.

Обернусь назад, где за холмами
Там, где дым Отечества плывёт,
Я бежал босым навстречу маме,
Начиная в будущность полёт.

И кружа со стаей снегириной
Над страной, где зреют зеленыя,
Нёс на шее образок старинный
Тот, что мать надела на меня,

Веря в то, что, совладав со тьмою,
Сполохами звёздного венца
Снегири вернутся в дом — зимою,
Чтоб остаться с прошлым, до конца...

ЗМЕЕНОСЕЦ

Двенадцать созвездий составляют наш Зодиак, но когда Солнце идёт в созвездие Стрельца, оно проходит через созвездие Змееносца — скрытого многомерного знака, который имеет выход в иные миры, когда силы Добра и Зла вступают в борьбу. Змееносец правит две недели. Первая половина срока — окончание периода Скорпиона, называется «Сожжённая дорога», и вторая половина периода — на восхождение Стрельца, называется «Дорога жизни».

«Змееносец — тринадцатый знак Зодиака»

Тихо канут мгновенья в зыбучий песок.
Прорастает полынь меж забвенья камнями.
И горчит, и вскипает берёзовый сок,
Собираясь в потир — поминаньем о маме.

Оттого и не весел изменчивый май
Каждый раз, отступаясь на тёмном пороге,
От которого мама — в заоблачный край
Уходила к отцу по пустынной дороге.

По дороге из звёзд, облетевших с небес
И усыпавших битыми гранями лужи.
Так роняет листву разноцветную — лес,
Присягая декабрьской, губительной стуже.

И рождённый под знаком, неведомым ей,
Обозначенным ныне клеймом “Змееносца”,
Сын остался один — и свернулся, как змей,
Не согрешившись от хладного зимнего солнца.

Только память о мае жива до сих пор.
И дрожит, не сменившись, змеиная кожа,
По которой прошёлся смертельный топор,
Разделив эту жизнь, как Прокрустово ложе.

Эту жизнь, разделяя на “после” и “до”,
Всё, что “до”, помянув литиёю во храме,
Змееносец на Горнее выйдет плато,
Млечный Путь проторя в Элизиум, к маме.